

Живет в Москве (Россия).

Лоция

На вечной сцене - белые, как снег -
дрожат черты заветного причала,
но в даль морскую уплывёт ковчег -
в страну без вех, без края и начала.
Увы, нам недоступны берега -
лишь прозвища портов на старых картах.
И тает жизнь, как след от сапога,
волною смытый с пляжного жаккарда.
Atlantico, Nord sea, La Manche, Босфор...
Нет выбора у нас, друзья, не так ли?
Крадётся тихо, как заправский вор,
последний акт вселенского спектакля!..
Закроет занавес театр бытия,
зажжётся свет пронзительный и горший,
и в темноту из зального огня
с улыбкой нас попросит билетёрша.

Книга

Эту книгу дано лицезреть любому.
В ней пастух видит полдень в оковах ночи.
Вечный странник дорогу откроет к дому,
что родным показался - до нежности - очень.

Кто-то, знающий азбуку, глаз прикроет:
перечислит - от первой - любовно буквы.
Следом некто, зовущийся "тем брюзгою",
выймет слов из-под спуда нехитрую утварь.

За ним ступит на сцену кудесник фразы,
разбудив остальных лебединой песней.
Разольется по душам-умам экстазом
его голос - чудесного что расчудесней.

После явится тот, кто всегда изгоем, -
улыбаясь блаженно, нашепчет смыслы
и уйдёт, ковыряя тропу клюкою,
одиноким и сгорбленный, как коромысло.

И останется лишь неизвестность шага,
да надежда - беднее церковной мыши.
Допивают страницы глазную влагу.
Новый день опускается
тихо на крыши.

* * *

Тычется гномоном город в облако,
шарят в отдушинах улиц тени:
к свету прибиться б, иное - побоку,
ведь, всё равно уж не будет тленней
в этой пропащей осенней волости,
где листопадов линялые пончо
клянчат у зим непотребной вольности,
прядая фалдами звонче и звонче...
где зарябились фиакров «шашками»
гипсы личин средь отеческих пеплов,
неприхотливостью душ - нараспашку ли? -
по мановению оевропеив...
где отойдут, не спросив согласия,
сны-одиссеи, мечты-вакханки,
с вдовьей улыбкой вчерашней пассив
тая у вечности на полустанке...

